

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

(ОТДЕЛЬНЫЕ ОТТИСКИ)

6

МОСКВА · 1975

В. Р. Кабо

АЙНСКАЯ ПРОБЛЕМА В НОВОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Сравнивая культуры айнов, нивхов и других палеоазиатских и тунгусоязычных народов, которые населяют острова и прилегающие к Тихому океану континентальные области Северо-Восточной Азии, с культурами народов Южных морей, мы замечаем в них многочисленные сходные черты. На многие из них обращено внимание уже давно, другие обнаруживаются лишь теперь. Новые факты, новые открытия, слагаясь в систему, освещают старую проблему по-новому, и она предстает как бы в новой перспективе.

Отметим, например, прямоугольные в сечении топоры и тесла, широко распространенные в неолите по всей тихоокеанской полосе Азии и сходные с южнотихоокеанскими типами. Многие из этих орудий, вероятно, насаживались на коленчатые рукояти океанийского типа. Такие орудия, ничем не отличимые от океанийских, еще сравнительно недавно употребляли нивхи, ороки и ульчи¹. Они выдалбливали ими лодки-однодеревки, как делают еще и теперь или делали недавно многие жители Океании. Нивхский топор этого типа (матбин'к)² из фондов Сахалинского областного краеведческого музея в Южно-Сахалинске снабжен металлическим клинком, воспроизводящим форму неолитического плечикового топора, область распространения которого простиралась от Полинезии до Японии (рис. 1). Типологическое сходство свайных построек айнов, нивхов, ительменов, многих народов Восточной и Юго-Восточной Азии, а также Океании само по себе могло бы и не свидетельствовать об этногенетических связях, но здесь заслуживают внимания ритуальные постройки на сваях (например амбары-лезн' у нивхов, связанные с культом медведя), так как в религиозно-культурной сфере особенно стойко сохраняются древнейшие особенности культуры. Эти сходные черты, охватывающие все стороны культуры, от орудий труда и архитектуры до обрядов и мифов, настолько многообразны, что едва ли они могут быть случайными или конвергентно возникшими и скорее указывают на древние этнические и культурные связи или даже на древнюю этнокультурную общность, давшую начало многим современным этносам и культурам этого обширного географического ареала.

Одним из указаний на такую этнокультурную общность, генетически связанную с Австронезией (Индонезией, Филиппинами, Океанией) и Австралией, являются петроглифы Нижнего Амура — Сакачи-Аяна, Шереметьевского и других мест. Стилистические особенности этих петроглифов, преобладающий в них орнаментальный мотив — спираль и концентрическая окружность — и особенно личины, поразительно напоминающие петроглифы, открытые не так давно в Центральной Австралии, — все указывает на эти древние связи. Отметим, в частности, «сияния» вокруг нижеамурских личин, изображения змей — то и другое напоминает вонджина из Северо-Западной Австралии и петроглифы Восточной Австралии. Аналоги амурским личинам и позднейшим шаман-

¹ Л. Шренк, Об инородцах Амурского края, т. 2, СПб., 1899, стр. 196, 197.

² Е. А. Крейнович, Нивху, М., 1973, стр. 77.

ским маскам обнаружены также в Меланезии, на Новой Гвинее, в Новой Зеландии³. «Этнографические аналогии петроглифам Амура ведут нас... в Южные моря Тихого океана», — пишет А. П. Окладников⁴. И это, видимо, не только конвергенция, но и следствие культурно-исторических связей. В свою очередь необходимо отметить непрерывность художественных традиций в искусстве народов Дальнего Востока, начиная с глубокой древности, с эпохи постулируемой нами этнокультурной общности, которая и была общей основой и источником этих традиций.

Наиболее типические особенности орнаментального стиля, свойственного искусству народов Дальнего Востока и восходящего еще к петроглифам Нижнего Амура, характерны также для Океании и Австралии и связывают культуру народов Дальнего Востока с австрало-океанийским культурным миром. Это прежде всего изображения в виде спирали, концентрической окружности, волнистой змеевидной линии, зигзага, меандра. Эти элементы с древности широко распространены на Дальнем Востоке и в Океании, в ареале форми-

рования далеких предков позднейших народов Австралии и Океании, а также айнов; очень характерны они и для австралийского континента. Здесь они обнаружены главным образом на предметах культа — чурингах — и имели, как и у айнов, сакральное, религиозно-магическое значение. Посредством спирали и концентрических окружностей австралийцы изображали деяния мифических героев и тотемических предков.

Характерный криволинейный орнамент, состоящий из сложного переплетения завитков и спиралей и образующий единую в стилистическом отношении систему, до сих пор широко распространен у нивхов, ороков, нанайцев, эвенков и других народов Дальнего Востока; он издавна известен в искусстве Китая и Японии. Вследствие такого широкого распространения его следовало бы называть дальневосточным. Преимущество этого термина в том, что он подчеркивает важнейшее — близость художественных традиций различных народов этого региона, связанную не с заимствованиями достижений одних народов у других, а с общей для них культурно-исторической основой, условием формирования этой близости.

Орнаментальный стиль айнов основан на меандре, зигзагах и змеевидных линиях, сочетаемых с элементами дальневосточного орнамента. А меандр — древний символ лабиринта — характерен и для других народов Дальнего Востока. Все эти мотивы, в основе своей весьма архаические, знакомые еще неолитическому населению Дальнего Востока, донесли до нас и искусство аборигенов Австралии и Океании. Отмечу, в частности, параллель, на которую, кажется, еще не обращали внимания, — удивительное сходство некоторых орнаментов из юго-восточной Новой Гвинеи и островов Тробрианских и Массим (Меланезия) с айновскими (рис. 2).

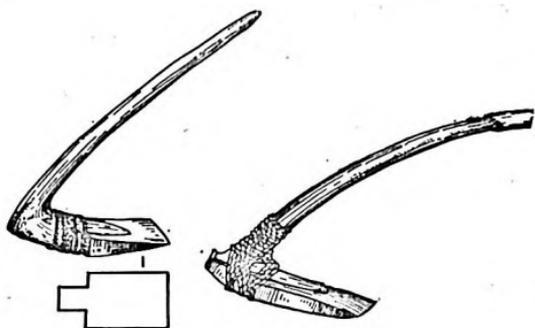

Рис. 1. Слева — нивхский топор матьин'к с металлическим клинком, воспроизводящим форму неолитического плечикового топора (Сахалинский областной краеведческий музей), справа — типичный каменный топор из Океании

³ А. П. Окладников, Петроглифы Нижнего Амура, Л., 1971, стр. 92, 95—98, 106, 116—121.

⁴ Там же, стр. 111.

Рис. 2. Орнаменты на деревянных изделиях айнов (1—МАЭ № 700-225; 2—МАЭ № 3125-2; 3—МАЭ № 700-8а) и папуасов юго-восточной Новой Гвинеи (4—МАЭ № 168-99; 5—МАЭ № 402-57; 6—МАЭ № 402-77)

Следует только приветствовать ту осторожность, с которой подходит к сопоставлениям орнаментов, разделенных огромными расстояниями во времени или в пространстве, С. В. Иванов⁶. Он справедливо указывает на то, что совпадение отдельных орнаментальных мотивов не всегда свидетельствует о генетической связи, оно может оказаться по своему происхождению конвергентным, и предлагает поэтому опираться на сравнение целых орнаментальных комплексов, а не отдельных мотивов. Но трудно ведь ожидать, чтобы орнаментальные комплексы неолита и современности или Дальнего Востока и Океании оказались совершенно идентичными, даже если они и связаны генетически. Здесь даже наличие представительной серии одинаковых мотивов, входящих в иные орнаментальные комплексы, но доминирующих в них и организующих их, может указывать на связь этих мотивов между собой. А в нашем случае этот

Классической спиралью, которая была характерна для народов Дальнего Востока, Австралии и Австралии, орнаментировалась еще неолитическая керамика Японии и Яншао. Спиралевидные и змеевидные изображения, напоминающие орнаменты на одежде айнов, нивхов, нанайцев и других народов Дальнего Востока, мы встречаем на японских антропоморфных скульптурах догу, характерных для периода дзёмон. И в связи с этим хочется напомнить, что А. П. Окладников, М. В. Воробьев, С. А. Арутюнов⁵ связывают древние археологические культуры Японии (протодзёмон и дзёмон) с протоайнами и айнами. Мы находимся как бы в пределах великого культурного круга, древность которого уводит нас в глубины тысячелетий примерно от VIII до середины I тысячелетия до н. э., если ориентироваться на эпоху культуры дзёмон,— здесь продолжалось формирование негро-австралоидов Океании и их культур и отсюда на Дальний Восток распространялось их воздействие. В свою очередь дальневосточная культурная общность сама была культурным генератором, импульсы которого ощущались на всем северо-востоке Азии.

⁵ А. П. Окладников, К вопросу о древнейшем населении Японских островов и его культуре, «Сов. этнография», 1946, № 4; М. В. Воробьев, Древняя Япония, М., 1958; С. А. Арутюнов, Древний восточноазиатский и айнский компоненты в этногенезе японцев, Автореф. канд. дис., М., 1962.

⁶ С. В. Иванов, Орнамент народов Сибири как исторический источник, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 81, М.—Л., 1963.

вывод подкрепляется и иными данными, свидетельствующими об этнических и культурных связях.

Важную роль в искусстве и религиозно-культурной жизни айнов играет образ змеи. Как показал еще Л. Я. Штернберг, изображение змеи особенно часто встречается на предметах, связанных с культом, и это говорит о сакральном его значении. Небесный змей фигурирует в айнском мифе о творении, ему возносятся молитвы, он является могущественным покровителем шамана. Такое же место он занимает и в Австронезии — это также было показано Л. Я. Штернбергом. Нам остается сделать еще один шаг и обратиться к Австралии, где сохранились многие древнейшие элементы культуры всего австрало-океанийского культурно-исторического мира. Одно из самых могущественных и самых распространенных на австралийском континенте существ, созданных мифологией его аборигенов, это змея-радуга. Она играет такую же выдающуюся роль в религии и культе, как и небесный, или солнечный змей у айнов Чуфкамуи. Змея-радуга австралийцев и солнечный змей айнов очень близки по своему положению в мифологии и в религиозно-культурной сфере. Вполне допустимо поэтому, учитывая южное происхождение айнов и многих элементов их культуры, а это было доказано еще Л. Я. Штернбергом, видеть в образе змеи-радуги австралийцев прототип солнечного змея айнов, а в последнем поздний отголосок глубоко архаичного австралийского мифа. Образ гигантского солнечного змея имеется и в мифологии народов Амура⁷, а змея-радуга была представлена в мифологии древних китайцев.

Широчайшее распространение в Австралии мифа о гигантской змее-радуге, создательнице мира, свидетельствует о его древности. Есть основания считать, что этот образ относится к древнейшему пласту мифологии австралийцев. Возможно, змеиный миф и связанный с ним культ змеи-радуги или небесного (солнечного) змея возникли еще у протоавстралоидов, населявших в плейстоцене материк Сунда. Этот материк (он существовал до последледниковой геологической эпохи) являлся продолжением азиатского материка и включал северные и западные острова Индонезии, Филиппины, а возможно Японию и Сахалин. Материк Сунда был обширной зоной формирования протоавстралоидов и колыбелью их культур. Отсюда, вероятно, вышли и аборигены Австралии, и айны. Позднее на островах, возникших на его месте и на месте материка Сахул, куда входила Австралия с окружающими ее островами, на древней протоавстралоидной основе сформировались различные группы негро-австралоидов Океании⁸. Этим и можно объяснить распространение в обширном ареале, простирающемся от Австралии до Сахалина, змеиног мифа и культа змеи. Разумеется, это лишь одно из многих свидетельств древней этнической и культурной общности (или близости). Эти и другие факты, говорящие о древних этнокультурных связях на пространстве от Австралии до Северо-Восточной Азии, получают объяснение в свете теории протоавстралоидной этнокультурной общности.

Разделяя мнение Л. Я. Штернберга, что многие элементы айнского орнамента являются стилизованным изображением змеи (а такое объяснение предлагают им и сами айны), следует все же сказать, что спираль представляется более универсальной формой, очень архаической, восходящей наряду с лабиринтом к первоистокам человеческой культуры. Это одна из наиболее распространенных форм, свойственных как живой, так и неживой материи, от улитки до спиралевидных галактик, и человек часто наблюдал ее в природе. Целесообразная форма спирали,

⁷ А. П. Окладников, Петроглифы Нижнего Амура, стр. 97—98.

⁸ В. Р. Кабо, Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии, М., 1969, стр. 58—61.

организующая пространство, отвечала его собственному мировосприятию. Вот почему она широко представлена в одной из самых архаичных культур человечества — австралийской. Изображение змей у айнов как бы легло на эту древнюю основу.

Много писали об *икунись* (*икуниси*) — загадочных обрядовых палочках айнов, но их смысл и происхождение все еще остаются невыясненными. Ж. Монтандон указал на их ритуальное значение, но не раскрыл его. Между тем их разгадка — в покрывающем их резном орнаменте, в основе которого все тот же мотив змей. Стилизованная змея — нан-

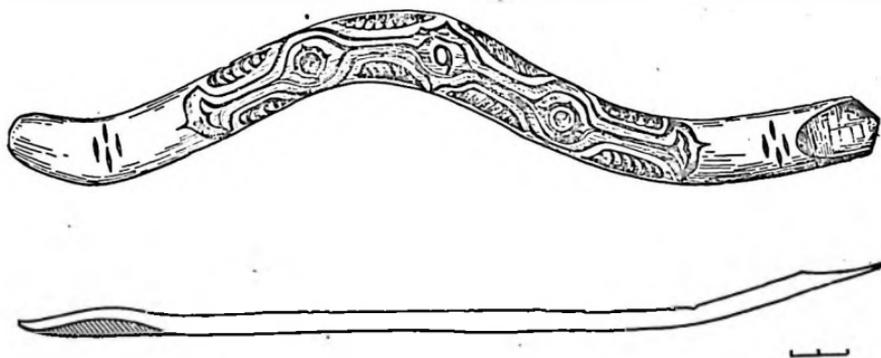

Рис. 3. Икунись, айны (МАЭ № 700-105). Этот предмет интересен не только змеевидной формой, но и большим сходством с австралийским бумерангом

более часто встречающееся на них изображение, да и сами айны называют эти изображения змеями⁹, а одна из икунись в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде своей формой напоминает змею (см. рис. 3). Икунись употребляются для подымания усов во время обрядового питья сакэ. Можно высказать предположение, что по своему происхождению икунись восходят к древнему акту ритуального поедания змей. Реликты этого священного действия древних австралоидов в его исходной, не зашифрованной, как у айнов, форме до сих пор встречаются в Океании. Так, например, у байнингов Новой Британии, сохранивших в антропологическом типе, в языке и культуре немало древнейших особенностей, свойственных негро-австралоидам Океании, сохранилось и обрядовое употребление в пищу змей, предварительно откормленных в дуплах деревьев¹⁰. Змеиные культы характерны и для других народов Меланезии¹¹.

На Сахалине айны заимствовали у соседей-нивхов северный культ медведя, перенеся на него некоторые характерные черты змеиного культа. Медведя выкармливали и затем съедали во время обрядов, как делали когда-то со змеями, и только икунись как «заместители» живых змей напоминают о далеком прошлом. Употребление «заместителей» (людей, жертвенных животных, различных предметов) в религии и культе — чаще всего в жертвоприношениях и погребальном ритуале — явление, хорошо известное многим народам.

В медвежьих праздниках, распространенных на огромной территории от Скандинавии до таежной полосы Северной Америки, можно выделить два комплекса — евразийско-американский, связанный с охотой на мед-

⁹ Л. Я. Штернберг, Айнская проблема, в его кн.: «Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны», Хабаровск, 1933, стр. 569.

¹⁰ В. Р. Кабо, Байнинги — примитивные земледельцы Океании, «Страны и народы Востока», вып. III, М., 1964, стр. 61.

¹¹ H. Ritter, Die Schlange in der Religion der Melanesier, Basel, 1945.

ведя, и тихоокеанский, или «айнский», свойственный только народам тихоокеанского побережья Северной Азии — айнам, нивхам, ульчам, орокам, орочам, частично береговым чукчам, корякам и ительменам, и связанный с длительным содержанием медведей при селениях в особых клетках, употреблением заструженных палочек *инау* и наличием «стрельбища» — своего рода жертвенного места — с рядом конкретных деталей его устройства и другими особенностями, указывающими на связь с культурами Юго-Восточной Азии. Б. А. Васильев полагает, что этот комплекс заимствован названными выше народами от айнов¹².

Рис. 4. Инока, айны (1 — МАЭ № 4974-249; 2 — МАЭ № 4974-238)

Возможно, что он составлял лишь часть более обширного комплекса явлений культуры, принесенного предками айнов с их далекой южной прародины, а благодаря им ставшего достоянием и их соседей. К этому культурному комплексу следует отнести и орнамент, в котором доминируют змеевидная линия и спираль с ее дериватами, и *инау*, функции которых выходят далеко за пределы медвежьего праздника. А. М. Золотарев, между прочим, высказал предположение, что обряд вождения медведей по селению у ульчей и нивхов — драматизация медвежьего мифа¹³. Это заставляет вспомнить австралийцев, для которых подобная драматизация отдельных эпизодов мифа очень характерна, хотя персонажи мифа и сами актеры, конечно, совершенно иные.

«Особенность медвежьего праздника у айну состоит в том, что праздник этот устраивается не по поводу убийства медведя на охоте, как у всех других северных народов, а по поводу убийства медведя, нарочито вскормленного в течение продолжительного времени у себя при селении... — пишет Л. Я. Штернберг. — Айну эту практику содержания боготворимого животного при селении принесли со старой своей южной родины, где это практикуется и до сих пор. Так, на Формозе, в Индонезии держат в клетке ящериц, змей и всяких других животных... как духохранителей»¹⁴. Мы знаем, что так поступали и байнинги. И важно отметить, что такую роль и у них, и у других народов Австронезии играли наряду с другими животными и змеи. Вот почему превращение змея в культу медведя у айнов представляется мне очень вероятным.

Одним из интереснейших явлений айнской культуры, проливающих свет на эту трансформацию, являются обнаруженные Амуро-Сахалинской антрополого-этнографической экспедицией 1947 г. на старых мольбищах около айнских селений скульптурные изображения, змеевидные, с головой медведя, а также искривленные и переплетающиеся корни, оканчивающиеся медвежьими головами и тоже явно изображающие змей¹⁵. Такие изображения хранились когда-то в каждом айнском доме и назывались *инока* (рис. 4). Штернберг переводит это слово как «змеи»¹⁶. Инока — зримое свидетельство превращения австронезийского

¹² Б. А. Васильев, Медвежий праздник, «Сов. этнография», 1948, № 4.

¹³ А. М. Золотарев, Родовой строй и религия ульчей, Хабаровск, 1939, стр. 127.

¹⁴ Л. Я. Штернберг, Айнская проблема, стр. 580.

¹⁵ И. П. Лавров, Об изобразительном искусстве нивхов и айнов, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. V, М.—Л., 1949, рис. 3.

¹⁶ Л. Я. Штернберг, Айнская проблема, стр. 571.

культы змей в северный культ медведя. «Культ медведя... как бы преодолевает в этих изображениях полузабытый айнами миф о божественном змее»¹⁷. «Культ змей у айнов — первичное явление, а культ медведя — вторичное»¹⁸. И с этим можно согласиться.

Изображения змей со стилизованной головой медведя из изогнутых стволов лиственниц известны также у нивхов и нанайцев, где они появились, вероятно, под айнским влиянием¹⁹. С. В. Иванов, правда, высказывает сомнение, что скульптуры эти изображают змей, ссылаясь, в частности, на то, что в айнском языке слово *инока* означает не только «змея», но также «идол в форме змей» и, наконец, просто «идол» или «изображение». Вопрос остается, таким образом, открытым. Однако в свете того, что змея широко представлена в мифологии и культе айнов, а ее изображения в их искусстве и особенно часто на ритуальных предметах, предположение наше имеет право на существование. Для *инока* характерна та же символика, что и для *икунись* — сочетание медвежьих голов со стилизованным туловищем змеи. В *инока*, как и в *икунись*, культ змей, более архаичный и потому менее явный, зашифрованный, сочетается с культом медведя (в *икунись* иногда также с культом касатки). В этой связи с древним змеиным культом, в понимании их как ритуальных «заместителей» подлинных культовых или жертвенных животных и содержится, видимо, разгадка происхождения этих элементов айнской культуры.

О древнейших связях культуры айнов с культурами Австронезии и Австралии говорят и *инау*, занимающие выдающееся место в религиозно-культурной жизни айнов. У айнов *инау* известны в виде заструженных палочек или шестов и в виде длинных стружек, которыми повязываются священные объекты, черепа животных, головы людей. Еще Л. Я. Штернберг отметил, что те и другие находят аналогию у народов Индонезии и Австралии²⁰. Что же представляют собою австралийские *инау*, которые в Центральной Австралии назывались *инкульта*? Эти заструженные палочки, чрезвычайно похожие на айнские *инау*, были здесь, как и у айнов, предметами культа и орудиями магии — например, применялись во вредоносной магии или прикреплялись перед сражением к концу копья «для удачи». Использовались они и в обрядах инициации. Частица «ин», стоящая в начале слова «инкульта», связана, по-видимому, с представлением о священном, так как она фигурирует в соответствующих терминах языка аранда, будучи первым слогом этих терминов²¹. Это совпадение со словом «инау», конечно, может быть случайным (Л. Я. Штернберг переводит айнское слово *инау* как «язык дерева»), но в свете поразительного сходства самих *инау* и *инкульта* оно все же заслуживает внимания. Очень интересно и то, что и в языке айнов частица «ин» употребляется в словах, связанных с культом, с жертвенным ритуалом²².

Современный японский исследователь Т. Обаяси, говоря о происхождении *инау*, указывает на Северную Евразию и Северную Америку, в охотничьих культурах которых были широко распространены культовые шесты и палки как вместилища божества и посредники между

¹⁷ И. П. Лавров, Указ. раб., стр. 36.

¹⁸ «Народы Восточной Азии» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М.—Л., 1965, стр. 947.

¹⁹ С. В. Иванов, М. Г. Левин, Старинные культовые изображения медведей у сахалинских айнов, «Сборник МАЭ», т. XXII, М.—Л., 1964.

²⁰ Л. Я. Штернберг, Айнская проблема, стр. 579; его же, Культ *инау* у племени айну, в его кн.: «Первобытная религия в свете этнографии», Л., 1936.

²¹ См. словарь в кн.: W. Spencer, F. Gillen, *The Arunta*, vol. 2, London, 1927.

²² С. А. Арутюнов, Об айнских компонентах в формировании японской народности и ее культуры, «Сов. этнография», 1957, № 2, стр. 11.

людьми и сверхъестественными силами²³. Несомненно, более прав был Штернберг, который связывал инау, как и многие другие явления айнской культуры, с южнотихоокеанским культурно-историческим миром.

Помимо австралийских и индонезийских аналогов инау (последние тоже применялись в магии) можно указать еще одну параллель, Штернбергом не упоминаемую, из того же океанийского ареала. Это *ниу* маори Новой Зеландии, короткие деревянные палочки, употреблявшиеся жрецами в обрядах, чаще всего перед сражением, подобно австралийским инкульта. Хотелось бы и здесь отметить фонетическую близость слова «ниу» к слову «инау».

Но Л. Я. Штернберг, вероятно, ошибается, когда он пишет (в статье «Айнская проблема»), что предки айнов, живя под тропическим небом, употребляли для инау полосы из листьев тропических растений (как делают и сейчас некоторые жители тропиков) и лишь затем перешли к стружкам. Параллель с австралийцами говорит скорее о противоположном. Инау возникли и распространились, очевидно, в том виде, в каком мы находим их в Австралии и у самых айнов. Но первоначальное значение заструженных деревянных палочек и самих стружек было забыто. Австралийцы уже не помнят его, и это неудивительно: культ инау возник, вероятно, в глубокой древности в ареале формирования прото-австралондов на материке Сунда и затем распространился отсюда в Австралию, Океанию, на Японские острова и на Сахалин. Реликты его сохранились и на месте бывшего материка Сунда — в современной Индонезии. Значение священных стружек инау было позднее переосмыслено и самими айнами. То, что сохранили этнографические материалы по айнам, отражает, главным образом, это позднейшее переосмысление.

Культ инау распространился через айнов к их соседям — нивхам. Здесь инау (нивхи называют их нау-нау) нашли такое же широкое и разнообразное применение в религиозно-культурной жизни и магии, как и у айнов. Любопытно, что нивхские шаманы и шаманки во время камлания надевали на голову, на плечи и грудь священные стружки, а одна шаманка (по рассказу очевидца, услышанному мною на Сахалине) в экстазе даже глотала их. Эта особенность нивхского шаманства — влияние айнского, а через него австрало-океанийского культурного мира, своеобразное сочетание священных атрибутов этих культур с восточно-сибирским шаманством.

Глубокое взаимопроникновение айнской и нивхской культур (выше были отмечены лишь некоторые свидетельства этого взаимопроникновения) говорит о большой древности и продолжительности соприкосновения двух этносов.

Многочисленные параллели в культурах айнов — аборигенов Японии и Сахалина — и народов Нижнего Амура и Приморья, нивхов и их тунгусоязычных соседей, относящиеся к медвежьему празднику и культу инау, к орнаменту и другим явлениям культуры, имеют, несомненно, древнее происхождение и, вероятно, восходят к этнокультурной общности эпохи дзёмон, которая охватывала в неолите земли Японии, Сахалина, Приамурья и Приморья и включала предков современных айнов (палеоайнов), нивхов (палеонивхов) и некоторых тунгусских народов этой области (палеотунгусов). На Сахалине носители этой культуры сохранились в памяти позднейшего населения как тончи. Ими могли быть как палеоайны, так и палеонивхи. Археологически она представлена неолитом Японии, а на Сахалине находками в Стародубском и Ногликах. В свою очередь эта древняя этнокультурная общность через палеоайнов и другие группы побережья Северной и Северо-Восточной Азии была генетически связана с еще более древними культурами Авст-

²³ Т. Obayaschi, On the origin of the «Inau» cult sticks of the Ainu, «The Japanese Journal of Ethnology», 1960, vol. 24, № 4.

ронезии и их носителями, вплоть до протоавстралоидов океанической области и самой Австралии.

Нашей концепции не противоречат и взгляды авторитетных антропологов. Н. Н. Чебоксаров относит айнскую, или курильскую, группу типов к австралоидной, или океанической расе, наряду с австралийской, веддонной, меланезийской и андаманской группами²⁴. По М. Г. Левину, айнский антропологический тип сложился в процессе смешения австралоидов с тихоокеанскими монголоидами. «Положение о генетическом родстве айнов с типами экваториального расового ствола, — писал он, — представляется наиболее отвечающим современному состоянию наших знаний»²⁵. Сходство между айнами и полинезийцами восходит к общему для них австралоидному компоненту. Продвижение предков айнов к северу шло из «области расселения австралоидных, в широком смысле слова, антропологических типов»²⁶. Эту концепцию в целом разделяет и В. П. Алексеев²⁷.

Л. Я. Штернберг, мобилизовав большой, разнообразный материал и опираясь на комплексный метод исследования, убедительно доказал южное происхождение айнов, их близость к народам и культурам Филиппин, Индонезии, Полинезии, Меланезии. Это было классическим вкладом в решение айнской проблемы. Задача состоит теперь в том, чтобы взглянуть на айнскую проблему в более широкой перспективе, в свете современных достижений науки, в свете все более очевидной «большой тихоокеанской культурной общности», простирающейся от Австралии до Амура²⁸.

Концепция древней этнокультурной общности в северной части Тихого океана и прилегающих областях азиатского континента, восходящей к неолиту и связанной в свою очередь с мезолитическими и позднепалеолитическими культурами Южной Океании и Австралии, бросает новый свет на происхождение глубоких культурных взаимосвязей, характерных для этого обширного и сложного культурно-исторического мира.

THE AINU PROBLEM IN A NEW PERSPECTIVE

There are many cultural parallels of various character between the Ainu, Nivkhs, and other Palaeoasiatic and Tungus-speaking peoples of the Far East and North-East Asia, on the one hand, and the peoples of Australia and Oceania, on the other; they are indicative of ethnocultural links between those peoples rooted in profound antiquity. Among such cultural features there are many that connect the Ainu with the far-off ancestors of Australian aborigines. In the author's opinion such features in the Far East stem from the ethnocultural continuity of the Jomon period which in Neolithic times covered the area of Japan, Sakhalin Island, the Amur River region and the Primorye (the coastal region to the south of Lower Amur River).

The descent of the common ethnocultural features of this area can further be traced to the still earlier cultures of the Pleistocene Proto-Australoids. The concept of an early ethnocultural continuity in the North Pacific littoral and the adjoining regions of the Asiatic continent linked in its origin with Oceania and Australia throws a light upon the genesis of the profound cultural interrelationships characteristic of the peoples inhabiting this extensive cultural-historical circle.

²⁴ Н. Н. Чебоксаров, Основные принципы антропологических классификаций, в кн.: «Происхождение человека и древнее расселение человечества», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XVI, М., 1951, стр. 315, 319.

²⁵ М. Г. Левин, Этническая антропология и проблема этногенеза народов Дальнего Востока, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XXXVI, М., 1958, стр. 290, 291.

²⁶ Там же, стр. 291.

²⁷ В. П. Алексеев, География человеческих рас, М., 1974, стр. 277—282.

²⁸ А. П. Окладников, Петроглифы Нижнего Амура, стр. 121.